



ФЕНОМЕН ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ ПЛАНТАЦИИ В СТРУКТУРЕ РАННИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ

© 2025

Макаров Е.П.

Самарский государственный технический университет (г. Самара, Россия)

Аннотация. В статье критически анализируется традиционный историографический подход, фокусирующийся на различиях в политическом и экономическом устройстве некоторых ранних американских колоний и эволюции данных общественных структур. Утверждается, что подобный акцент на уникальности каждого колониального опыта создаёт трудности для понимания общих институциональных основ колониального развития, не до конца проясняя общую картину. В качестве альтернативы предлагается иной методологический подход, направленный на выявление общих, сходных институтов и условий среди самых ранних поселений, таких как виргинский Джеймстаун, колонии Новой Англии и Новых Нидерландов. Целью исследования является определение первоначального типа колониального сообщества, который можно использовать в качестве концептуальной модели для анализа и сравнения на начальном этапе североамериканской колониальной истории. Дальнейшая задача исследования заключается в демонстрации того, что этот исходный тип, даже претерпевая изменения, воспроизводился на протяжении всего колониального периода. Таким образом, предлагаемая типология становится универсальным концептуальным инструментом, позволяющим систематизировать и группировать всё многообразие ранних колониальных форм для более глубокого понимания их последующего развития, что открывает новые перспективы для сравнительного анализа колониальных обществ в Британской Атлантике.

Ключевые слова: плантационная система; колониальная экономика; американские колонии; Виргиния; Новая Англия; Новые Нидерланды; сравнительно-исторический анализ.

THE PHENOMENON OF THE CENTRALIZED PLANTATION IN THE STRUCTURE OF EARLY COLONIAL ECONOMIC SYSTEMS

© 2025

Makarov E.P.

Samara State Technical University (Samara, Russia)

Abstract. This article critically examines the traditional historiographic approach, which focuses on the differences in the political and economic structures of some early American colonies and the evolution of these social structures. It is argued that such an emphasis on the uniqueness of each colonial experience creates difficulties in understanding the general constitutional foundations of colonial development, failing to fully clarify the overall picture. As an alternative, a methodological approach is proposed that aims to identify common, similar institutions and conditions among the earliest settlements, such as Virginia, the colonies of New England, and New Netherland. The goal of the study is to identify an initial type of colonial community that can be used as a conceptual model for analysis and comparison at the initial stage of North American colonial history. A further goal of the study is to demonstrate that this initial type, even while undergoing changes, was reproduced throughout the colonial period. Thus, the proposed typology becomes a universal conceptual tool that allows us to systematize and group the entire diversity of early colonial forms for a deeper understanding of their subsequent development, which opens up new perspectives for the comparative analysis of colonial societies in the British Atlantic.

Keywords: plantation system; colonial economy; American colonies; Virginia; New England; New Netherland; comparative historical analysis.

Формирование и развитие самой ранней североамериканской колониальной модели хозяйствования лучше всего прослеживается на примере исторической обстановки, сложившейся начиная с 1610 г. в Джеймстауне. Она представляет собой наиболее репрезентативный пример ранней формы переселенческого сообщества, которую можно рассматривать в качестве устойчивого локального типа самоорганизации. Предшествующие английские поселения, такие как Джеймстаун и Сагадахок до 1610 г., носили характер пробных и слабоорганизованных предприятий, завершившихся фактическим запустением первых поселений. Однако возвращение лордом Делавером беглецов, покинувших Джеймстаун в 1610 г., и последующее восстановление колонии знаменовало начало периода, отмеченного усилением управленческих начал и более чёткой целевой ориентацией всего местного сообщества [1, р. 12–26].

Стабилизировавшаяся под руководством лорда Делавера и его преемников колония демонстрировала ряд системообразующих характеристик. К их числу относились отсутствие института частной собственности, аграрный характер производства, объединение прав собственности с юрисдикционными полномочиями, подчинение управления преимущественно экономическим задачам и дискреционный характер администрации

[2, p. 226–258]. Наиболее примечательной чертой данной социально-экономической модели являлось отсутствие частной собственности. Согласно положениям хартии, права на землю Виргинии были пожалованы Виргинской компании, которая осуществляла управление колонией по своему усмотрению. Несмотря на то, что колонисты возводили жилые постройки и возделывали приусадебные участки, предоставленные им права владения не имели постоянного характера, что фактически исключало возникновение частной земельной собственности. Труд колонистов также был мобилизован в интересах компании: они были связаны с ней многолетними контрактами, находясь в распоряжении губернатора в обмен на содержание и ожидание будущих дивидендов. Хотя термин «слуга» редко применялся к колонистам, вероятно, в силу их формального статуса акционеров, по своему реальному положению они являлись наемными работниками. Таким образом, можно констатировать отсутствие и частной собственности на труд [3, p. 86–126].

Местные материальные активы, к примеру стада скота, также поступали в колонию как собственность компании. Хотя уход за ними осуществлялся колонистами по необходимости, владельцем животных оставалась компания. Производившаяся колонистами и предназначавшаяся на экспорт местная продукция, также являлась собственностью компании и реализовывалась в её пользу. Совокупность этих экономических условий позволяет провести аналогию между колонией и частным поместьем. Данный вывод подтверждается ещё тремя значимыми фактами: колонисты были лишены права самостоятельной внешней торговли, они могли быть депортированы по решению губернатора и, соответственно, не имели безусловного права на проживание, а также не могли покинуть колонию без разрешения администрации [4, p. 595–611]. Сельскохозяйственная деятельность являлась основополагающей отраслью ранней колониальной экономики, поскольку ни один альтернативный источник продовольствия не обладал надёжностью и эффективностью, сопоставимой с возделыванием местной плодородной почвы. Несмотря на существование таких дополнительных источников снабжения, как меновая торговля с индейскими племенами, рыболовство и помощь из метрополии, именно земледелие играло ключевую роль. Его историческое значение определяется формирующим воздействием на уклад колониальной жизни. В Виргинии становление табаководства стало наиболее заметным явлением, однако ещё до его появления ценность земли как основы аграрного производства подталкивала колонистов к прогрессивным шагам, имевшим важное значение для формирования института частной собственности. Но при этом стоит принимать во внимание, что возделывание земли в Виргинии до 1610 г. носило преимущественно бессистемный характер [5, p. 227–258].

Следующей характерной чертой раннеколониального Джеймстауна выступало объединение экономической собственности и политической юрисдикции. Виргинская компания обладала как политическим, так и экономическим контролем над колонией, осуществляя оба вида власти безраздельно через назначавшегося ею губернатора. Хотя компания концентрировала в своих руках обе сферы власти, её главный интерес лежал в экономической плоскости. Таким образом, ещё одной характеристикой являлось функционирование правительства преимущественно для достижения экономических целей. Несмотря на наличие альтруистических идей, таких как обращение коренного населения в христианство или помощь нуждающимся, практическим руководящим мотивом деятельности всего локального сообщества, несомненно, был коммерческий интерес. Это обстоятельство создавало яркий контраст между ранней колонией и её более поздними формами [6, p. 599–618]. Собственники трудились в ожидании возвращающихся грузов рыночной продукции, в то время как губернатор занимался организацией сельскохозяйственных работ, контролем над рабочей силой, закупкой мехов на торговых постах, сохранением запасов провизии и поиском новых источников обогащения, что подтверждает уже обозначенную экономическую доминанту ранней колониальной истории [7, с. 4–12].

Дискреционный характер администрирования также был свойственен самым ранним колониям. Необходимость управления большой группой людей, которых иногда требовалось сурово наказывать, обуславливала потребность в «сильной руке», поэтому в Джеймстауне губернатор обладал абсолютной властью. Колонисты, будучи акционерами, номинально имели право голоса на собраниях компании, однако никаких записей об их доверенных лицах не сохранилось, и ни королевская хартия, ни устав компании не предоставляли им реальных рычагов влияния на губернатора. Это обеспечивало губернатору полную дискреционную власть, которую он осуществлял, консультируясь с советом, избранным им самим [8, p. 55–67].

В колониальном Новом Плимуте наблюдались сходные с Джеймстауном условия. Земли колонии безраздельно принадлежали группе лиц, обозначавшихся как «Джон Пирс и его компаньоны», под которыми подразумевались лондонские купцы и даже некоторые колонисты, вступившие с ними в партнёрство. В отличие от Виргинской компании, они не обладали хартией, хотя были организованы как акционерное общество. Согласно условиям, колонисты трудились в течение нескольких лет, получали из общего фонда жильё, питание и одежду, а взамен отправляли лондонским партнёрам всю производимую ими продукцию. Очевидно, эти условия исключали возможность возникновения индивидуальной собственности [9, p. 246–278]. В Новом Плимуте сельское хозяйство также заняло центральное место как отрасль, от которой жизнь колонии зависела в наибольшей степени. Несмотря на развитие рыболовства и меховой торговли, именно важность и необходимость возделывания земли были осознаны колонистами, и их первые разногласия с лондонскими партнёрами были обусловлены требованием предоставить землю в частную собственность. Объединение юрисдикции с собственностью существовало в Новом Плимуте в силу патента, полученного от Совета Новой Англии, и в колониальной администрации эти сферы не разделялись. Колониальные власти работали для достижения экономических целей, а губернатор, отвечая перед лондонскими партнёрами, занимался надзором за трудом и обеспечивал запасами. Дискреционная власть присутствовала и здесь, хотя и не в столь ярко выраженной форме, как в Виргинии. Губернатор Нового Плимута, будучи ответственным перед европейскими

инвесторами, тем не менее, избирался местными колонистами, однако его выборный статус не препятствовал осуществлению почти неограниченной власти [10, р. 232–248].

Освоение Новых Нидерландов изначально осуществлялось через фактории меховой торговли, и до 1624 г. нет свидетельств о систематическом сельском хозяйстве, что исключало наличие постоянного поселения. Однако после 1624 г., когда Вест-Индская компания направила туда первых рабочих для возделывания земли, история колонии продемонстрировала сходство с английскими моделями [11, р. 348–378]. Хотя подробности первого десятилетия существования местного сообщества остаются неясными, имеющиеся данные указывают на формирование типа хозяйства, по основным характеристикам близкого к джеймстаунскому. В 1626 г. компания выкупила остров Манхэттен и консолидировала там большую часть собственных поселенцев. Шесть первых ферм являлись собственностью компании и оставались таковыми в течение нескольких последующих лет, а первые упоминания о частном владении землёй на Манхэттене относятся лишь к 1636 г. Значительная часть колонистов состояла в статусе наемных работников компании. Хотя точные условия их личных контрактных обязательств не сохранились, различные источники свидетельствуют о том, что компания финансировала их переезд и обеспечивала всеми необходимыми припасами. Эти колонисты не были акционерами компании, а скот, за которым они ухаживали, оставался собственностью Вест-Индской компании [12, р. 295–323]. Совокупность этих фактов прямо указывает на намерение собственников создать на Манхэттене централизованную сельскохозяйственную общину. Направленный туда губернатор осуществлял контроль как над местными делами, так и над удалёнными меховыми факториями, что, аналогично английским колониям, демонстрировало единство юрисдикции и права собственности.

Таким образом, три рассмотренные колонии отображали доминирование экономического мотива деятельности над политическим. Проблемы, стоявшие перед первыми губернаторами, были проблемами коммерции, а не государственного управления, что позволяет рассматривать эти колонии как качественно отличные от их позднейших форм, где политическая составляющая стала доминирующей [13, р. 666–708]. Термин «плантации», использовавшийся современниками, подходит для обозначения данного раннего типа организации колониального хозяйства. Плантационную модель колонии можно определить как форму построения локального сообщества, в структуре которой экономический мотив был выражен в завершённой форме. Контекстуально, это была модель основанного на сельском хозяйстве экономического единства, находившаяся под управлением местной администрации, сочетавшей политическую юрисдикцию с полномочиями экономического собственника. Хотя типология является инструментом классификации, описанная плантационная модель реально существовала, по крайней мере, в двух, а вероятно, и в трёх описанных географических районах Северной Америки. Существование этой первоначальной модели было недолгим, а её трансформация была вызвана появлением частной собственности на землю. Плантация постепенно перестала быть единой экономической структурой, внутри которой непосредственный контроль над землёй уходил из рук собственников. От первоначальной структуры сохранялось политическое единство, а распространение частной собственности на землю означало начало необратимого процесса, который завершался полным поглощением экономического контроля со стороны индивидуальных владельцев.

В Виргинии трансформация плантационного типа прослеживается в периоды правления Томаса Дейла и Сэмюэла Аргелла. Переломный момент наступил в 1614 г., когда Т. Дейл выделил колонистам небольшие участки на условиях фиксированной годовой ренты и месячной трудовой повинности. Эти наделы перешли в частное пользование, и к концу года в колонии насчитывался 81 подобный арендатор. Была ли эта мера инициативой Т. Дейла или следствием указа из Англии, неясно, однако она была направлена на достижение колонией самокупаемости. К 1617 г., с прибытием С. Аргелла, число фермеров-арендаторов на землях компании уже превышало число колонистов, несущих регулярную службу. Вероятно действуя согласно инструкциям из Лондона, С. Аргелл продал скот компании в частные руки, и в 1618 г. заявил об истощении возделываемых земель, а затем полностью свернул работы на компанийских фермах. Таким образом, можно проследить, как в течение пяти лет колониальные губернаторы последовательно сняли с компании бремя управления централизованной плантацией [14, р. 162–175]. Хотя за компанией сохранялись некоторые участки, обрабатываемые её работниками, плантация Джеймстауна была фактически разделена между частными собственниками, а 1619 г. можно считать временем окончания её существования.

Период существования централизованной плантационной модели в Новом Плимуте оказался ещё короче, чем в Джеймстауне. Столкнувшись с постоянными неудачами и неся бремя содержания поселения, лондонские партнёры не смогли обеспечить адекватную поддержку колонии. В условиях кризиса 1623 г. губернатор У. Брэдфорд был вынужден пойти на чрезвычайные меры, выделив колонистам земельные участки на условиях ежегодной оплаты владения, что обеспечило им экономическую независимость. В том же году лондонские партнёры впервые прислали в колонию свободных поселенцев, чьи ряды пополнились за счёт освобождённых от контрактов колонистов. К концу 1623 г. Новый Плимут достиг той же стадии развития, что и Джеймстаун в 1616 г., в колонии утвердились частная собственность и свободный труд, основанные на оформлении прав на землю. В этом состоянии колония пребывала до тех пор, пока лондонские партнёры предпринимали тщетные попытки её поддержать. В конечном итоге колонисты предложили выкупить долю партнёров, и была заключена соответствующая сделка. В Новый Плимут было вложено значительно меньше затрат, чем в Джеймстаун, но и эту раннюю колонию можно охарактеризовать как коммерческий провал. В соответствии с актом продажи полномочия лондонских партнёров над колонией были переданы самим колонистам. Новые американские собственники разделили между собой освоенные земли и скот, тем самым утвердив в основе колонии признанный индивидуализм. При этом колонисты сохранили политическую власть как общий интерес, продолжая избирать губернатора на ежегодных выборах [15, р. 251–265]. Таким об-

разом, история Нового Плимута, как и Джеймстауна, демонстрировала убытки собственников, утверждение частной собственности и поглощение корпоративного имущества частными держателями.

В голландской колонии на Манхэттене попытки сделать плантационное хозяйство прибыльным оказались столь же безуспешными, как и в английских поселениях. Единственный доход, который Вест-Индская компания получала от колонии Новых Нидерландов, обеспечивала меховая торговля. В 1629 г. компания издала Статьи Свобод и Исключений (Articles of Freedoms and Exemptions), предлагавшие привилегии владельцам частных плантаций и индивидуальным свободным поселенцам. Самая важная часть документа касалась создания системы патронатов (patroonships), предоставлявшей особые права и огромные земельные владения любому члену компании, который в течение четырёх лет мог доставить в колонию 50 человек старше 15 лет. Патрон получал в полную собственность обширные земли на своей территории он обладал не только правом собственности, но и юрисдикцией – то есть мог вершить суд и управлять бытом колонистов, проживавших на его земле. По сути это было прямое воплощение принципа объединения частной собственности с юрисдикцией. Статьи также предусматривали условия для отдельных поселенцев, не становившихся патронами [16, р. 271–294]. Им предлагались меньшие участки земли в обмен на определённые обязательства и уплату налога в пользу компании, которая к тому времени осознавала убыточность собственного сельскохозяйственного производства так же, как это произошло в Джеймстауне и Новом Плимуте. Таким образом, документ 1629 г. официально санкционировал появление частной собственности и патронатов как изменённых форм плантационной модели, которые, хотя и были крупнее и автономнее, но сохраняли ключевые исходные черты: сельскохозяйственную основу и объединение экономической собственности с политической властью.

Наиболее известным примером патроната, созданного согласно этим статьям, стало Ренсселарсвейк (Rensselaerswyck) – владение на реке Гудзон, существовавшее на протяжении веков. На западном берегу Гудзона также была основана частная плантация Павония, однако в районе Манхэттена уступки 1629 г. не дали значительных результатов. Первые свидетельства частного землевладения на Манхэттене и в его окрестностях относятся к 1636 г., когда были зарегистрированы индейские дарения ферм на Лонг-Айленде и сообщено о дарении земли на самом острове. Эти акты знаменовали собой самые ранние зафиксированные изменения в первоначальном экономическом единстве плантации [17, р. 93–110]. Создание свободных ферм на Лонг-Айленде привнесло в юрисдикцию Манхэттена лиц, политически подчинённых компании, но экономически от неё независимых и обладавших признанными правами на землю. Примерно в то же время директор колонии начал продавать или сдавать в аренду скот компании, а пахотные земли ферм компании стали превращаться в пастбища.

Директор Вутер ван Твиллер, при котором произошли эти события, был заменён в 1638 г. директором Виллемом Кифтом. Хотя в первый год своего правления В. Кифт издал приказы о контроле над служащими компании и возврате её имущества, рост числа частных наделов продолжался. Именно В. Кифт создал на Манхэттене массу арендаторов, предоставляя земли за фиксированную ренту, сначала по конкретным документам, а затем по общему распоряжению. Передачи прав, осуществлённые в первые два года правления В. Кифта, включали аренду ферм компании, её лесопилок, мельниц и кузниц, что демонстрировало полноту утверждения индивидуализма [18, р. 133–149]. Таким образом, сельскохозяйственное поселение на Манхэттене, хотя и менее отчетливо, прошло тот же цикл изменений, что Джеймстаун и Новый Плимут.

Обобщение этих ярких примеров трансформации плантационной модели затруднено из-за недостатка детализации происходивших событий, однако прослеживается их общая логическая последовательность. Первым шагом стало появление на плантации свободного работника, чьё присутствие было обусловлено не свободной иммиграцией, а истечением срока службы. Многие колонисты возвращались в Европу по окончании контракта, но другие предпочитали остаться и жить в качестве свободных поселенцев на границе. Следующим шагом стало требование частных участков в условиях, когда ведение хозяйства в отсутствие права собственности признавалось неэффективным. Третьим шагом стало осознание того, что частное предприятие может приносить собственникам гораздо больший доход в виде пошлин, чем при прямой плантационной эксплуатации труда. Можно однозначно утверждать, что крах усилий собственников был тесно связан с появлением фигуры свободного поселенца.

Параллельно с трансформацией плантационной модели, в каждой из колоний произошло ещё одно изменение, подчеркнувшее переход колониального правительства от экономических мотивов к политическим, а именно дифференциация колониального правительства и местного самоуправления. Правительства ранних плантаций сочетали в себе элементы как местного, так и общего контроля. По мере роста поселений обширные полномочия исполнительной власти, предоставленные изначально, были использованы для обеспечения политического единства на более высоком уровне. Это изменение не привело к разрыву в преемственности колониального управления, но слово «колония» приобрело более широкий смысл, в то время как «плантация» осталась локальным сообществом, подчинённым колониальному правительству. Таким образом, можно заключить, что плантационная политико-экономическая модель являлась прямой предшественницей более поздних колониальных правительств.

Плантационная модель положила начало не только развитию колониального правительства, но и местного самоуправления, поскольку по мере распространения сельскохозяйственных поселений различные черты этой модели воспроизводились в новых сообществах. Зачастую эти черты были модифицированы, но их наличие позволяет выделить обширную группу местных правительств, радикально отличных от современных им муниципальных образований. К этой группе относились плантации Виргинии, маноры в ряде колоний, патронаты Новых Нидерландов и многие ранние города колоний Новой Англии. Их родство с плантационным типом очевидно: они были основаны на сельскохозяйственной организации, в них присутствовало

экономическое единство, сочетались юрисдикция и права собственности, а гражданская администрация использовала свою власть для достижения преимущественно экономических целей. Эволюция в этих модифицированных формах происходила почти так же, как и в первых колониальных плантациях: экономическая сторона постепенно исчезала, и поселение превращалось в чисто политическое сообщество, переставая быть плантацией. Таким образом, плантационный тип колонии является важной концепцией для понимания генезиса как колониальной государственности, так и региональных особенностей системы местного самоуправления в колониальной Северной Америке.

Список источников:

1. Force P. Tracts and other papers, relating principally to the origin, settlement, and progress of the colonies in North America, from the discovery of the country to the year 1776. Vol. I. Washington: Printed by Peter Force, 1836. 436 p.
2. Rose E.M. Lord Delaware, First Governor of Virginia, «the Poorest Baron of this Kingdom» // *The Virginia Magazine of History and Biography*. 2020. Vol. 128, № 3. P. 226–258.
3. Brown A. *The First Republic In America*. New York: Russel & Russel, 1898. 726 p.
4. Morgan E.S. The labor problem at Jamestown, 1607–18 // *The American Historical Review*. 1971. Vol. 76, № 3. P. 595–611.
5. Quitt M.H. Trade and acculturation at Jamestown, 1607–1609: The limits of understanding // *The William and Mary Quarterly*. 1995. Vol. 52, № 2. P. 227–258.
6. Bernhard V. «Men, Women and Children» at Jamestown: population and gender in Early Virginia, 1607–1610 // *The Journal of Southern History*. 1992. Vol. 58, № 4. P. 599–618.
7. Макаров Е.П. Экономическая демография колониальной эпохи Северной Америки // *Исторический курьер*. 2019. № 4 (6). С. 4–12. DOI: 10.31518/2618-9100-2019-4-1.
8. Henry W.W. The first legislative assembly in America: Sitting at Jamestown, Virginia, 1619 // *The Virginia Magazine of History and Biography*. 1894. Vol. 2, № 1. P. 55–67.
9. *Collections of the Massachusetts Historical Society. Fourth Series. Vol. II*. Boston: Crosby, Nicholas, and Company, 1854. 338 p.
10. Lovejoy D.S. Plain Englishmen at Plymouth // *The New England Quarterly*. 1990. Vol. 63, № 2. P. 232–248.
11. Todt K. Trading between New Netherland and New England, 1624–1664 // *Early American Studies*. 2011. Vol. 9, № 2. P. 348–378.
12. Meuwese M. The Dutch connection: New Netherland, the Pequots, and the puritans in Southern New England, 1620–1638 // *Early American Studies*. 2011. Vol. 9, № 2. P. 295–323.
13. Roper L.H. The fall of New Netherland and seventeenth-century Anglo-American Imperial formation, 1654–1676 // *The New England Quarterly*. 2014. Vol. 87, № 4. P. 666–708.
14. Connor S.V. Sir Samuel Argall: a biographical sketch // *The Virginia Magazine of History and Biography*. 1951. Vol. 59, № 2. P. 162–175.
15. Perry T.W. New Plymouth and Old England: a suggestion // *The William and Mary Quarterly*. 1961. Vol. 18, № 2. P. 251–265.
16. Sherwood W.G. The patroons of New Netherland // *The Quarterly Journal of the New York State Historical Association*. 1931. Vol. 12, № 3. P. 271–294.
17. Folkerts J. Reflecting Patria: new light on New Netherland demography and culture // *New York History*. 2010. Vol. 91, № 2. P. 93–110.
18. Goodfriend J.D. Merging the two streams of migration to New Netherland // *New York History*. 2011. Vol. 92, № 3. P. 133–149.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Макаров Егор Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук; Самарский государственный технический университет (г. Самара, Россия). E-mail: egor.makarov.esq@gmail.com.</p>	<p>Makarov Egor Pavlovich, candidate of historical sciences, associate professor of Philosophy, Social Sciences and Humanities Department; Samara State Technical University (Samara, Russia). E-mail: egor.makarov.esq@gmail.com.</p>

Для цитирования:

Макаров Е.П. Феномен централизованной плантации в структуре ранних колониальных хозяйственных систем // Самарский научный вестник. 2025. Т. 14, № 4. С. 92–96. DOI: 10.55355/snv2025144203.